К истории полемик *On the History of Disputes*

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2024. Т. 9, вып. 3. С. 62–76.
Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology. 2024;9(3):62-76.

Научная статья

УДК 930“1961

doi: 10.47475/2542-0275-2024-9-3-62-76

«ИСТОРИК И ЧИТАТЕЛЬ» В. М. ТУРОК-ПОПОВА: ОБ ОДНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЕМИКЕ ПЕРИОДА ОТТЕПЕЛИ (1961)

Михаил Александрович Базанов

Объединенный государственный архив Челябинской области, Челябинск, Россия, bazanov.86@mail.ru

Аннотация. В 1961 г. в «Литературной газете» была опубликована статья В. М. Турок-Попова «Историк и читатель». Автор статьи в качестве одной из главных проблем современной ему исторической науки назвал низкую популярность работ ученых за пределами узких рамок среды профессиональных историков. Причиной тому он считал их плохой литературный стиль, присутствие в тексте многочисленных шаблонов, схематизм. Тезис свой В. М. Турок-Попов продемонстрировал на примере анализа нескольких учебников для вузов. Кроме того, он призвал к «очищению» научных учреждений от сотрудников, не вкладывающих сил в написание научных работ, назвав при этом нескольких своих коллег по Институту истории АН СССР. Статья вызвала бурную реакцию, породив длительную полемику на страницах «Литературной газеты». Частью этой дискуссии стало организованное редакцией общественное обсуждение статьи с участием ученых (не только историков, но также физиков, астрономов, экономистов) и литераторов. А. Н. Гулиев обвинил автора в абсолютизации отдельных недостатков исторической науки, А. З. Манфред и В. П. Данилов утверждали, что критерии для оценки разных жанров научной литературы также должны отличаться. Большая же часть выступавших поддержала В. М. Турок-Попова, но при этом дала разные интерпретации его текста. Наиболее популярным стало мнение о необходимости активизировать работу по созданию научно-популярной литературы (О. Н. Писаржевский, Е. Я. Драбкина, А. И. Бабенец). Часть участников восприняла текст В. М. Турок-Попова как протест против насаждения социологических схем (Л. Б. Алаев, П. А. Лисовский), некоторые из участников заговорили о необходимости обратиться к вопросам быта и повседневности людей прошлых эпох (Г. Б. Федоров), прозвучал призыв «творчески развивать положения марксизма» (В. И. Гольданский). Р. Ю. Бершадский заявил об ответственности историков перед обществом. В целом же прошедшее обсуждение свидетельствует о том, что в научной среде историков и лиц, связанных с ней, в период оттепели назрел вопрос о радикальном изменении прежней конфигурации историографического быта и, как следствие, нового перераспределения научного капитала среди акторов поля.

Ключевые слова: оттепель, историографический быт, Владимир Михайлович Турок-Попов, «Литературная газета», статья, общественное обсуждение, литературный стиль, схематизм, адресат, научно-популярная литература, методология, поле науки, научный капитал

Для цитирования: Базанов М. А. «Историк и читатель» В. М. Турок-Попова: об одной общественной полемике периода оттепели (1961) // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2024. Т. 9, вып. 3. С. 62–76.* URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/39-magistra-vitae-3-2024.html>. DOI: 10.47475/2542-0275-2024-9-3-62-76

Original article

“HISTORIAN AND READER” BY V. M. TUROK-POPOV: ABOUT A PUBLIC DEBATE DURING THE KHRUSHCHEV THAW (1961)

Mikhail A. Bazanov

United State Archives of the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, Russia, bazanov.86@mail.ru

Abstract. In 1961 the Literaturnaya Gazeta published an article by V. M. Turok-Popov, “Historian and Reader.” The author of the article named the low popularity of the works of scientists outside the narrow framework of profes-

sional historians as one of the main problems of contemporary historical science. He considered the reason for this to be their poor literary style, the presence of numerous templates in the text, and schematism. V. M. Turok-Popov demonstrated his thesis by analyzing several textbooks for universities. In addition, he called for the “cleansing” of scientific institutions from employees who do not invest effort in writing scientific papers, while naming several of his colleagues at the Institute of History of the USSR Academy of Sciences. The article caused a strong reaction, giving rise to a long-term controversy on the pages of *Literaturnaya Gazeta*. The part of it involved a public discussion of the article organized by the editors with the participation of scientists (not only historians, but also physicists, astronomers, economists) and writers. A. N. Guliev accused the author of absolutizing certain shortcomings of historical science, A. Z. Manfred and V. P. Danilov argued that the criteria for assessing different genres of scientific literature should also be different. Most of the speakers supported V. M. Turok-Popov, but at the same time gave different interpretations of his text. The most popular opinion was the need to intensify work on the creation of popular science literature (O. N. Pisarzhevsky, E. Ya. Drabkina, A. I. Babenets). Some of the participants perceived the text by V. M. Turok-Popov as a protest against the imposition of sociological schemes (L. B. Alaev, P. A. Lisovsky), some of the participants started talking about the need to turn to issues of life and everyday life of people of past eras (G. B. Fedorov), there was a call to “creatively develop the tenets of Marxism” (V. I. Goldansky). R. Yu. Bershadsky stated the responsibility of historians to the society. In general, the past discussion indicates that in the scientific community of historians and people associated with it, during the Thaw period, the question of a radical change in the previous configuration of historiographical life and, as a consequence, a new redistribution of scientific capital among the actors of the field became urgent.

Keywords: thaw, historiographical life, Vladimir Mikhailovich Turok-Popov, “*Literaturnaya Gazeta*”, article, public discussion, literary style, schematism, addressee, popular science literature, methodology, field of science, scientific capital

For citation: Bazanov MA. “Historian and Reader” by V. M. Turok-Popov: about a public debate during the Khrushchev Thaw (1961). *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2024;9(3):62-76. (In Russ.). URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/39-magistra-vitae-3-2024.html>. DOI: 10.47475/2542-0275-2024-9-3-62-76

Для советской историографии два коротких оттепельных десятилетия¹ стали временем, чрезвычайно насыщенным разного рода событиями. Идеологические трансформации того времени означали разрушение сложившихся ранее границ дозволенного. Партийная элита так и не выдвинула из своих рядов непререкаемого идеологического авторитета (роль, которая ранее отводилась И. В. Сталину [см.: Юрганов, 2013; 2020]). Историческая наука в итоге обрела большую долю автономии, хотя в целом прежняя система контроля над ней сохранилась (А. Л. Сидорова обозначила это положение посредством термина «санкционированная свобода»). Власть и научное сообщество методом проб и ошибок нащупывали новую конфигурацию запрещенного и допустимого [См., напр.: Сидорова, 1996; 1997; Алексеева, 1997; Депретто, 2008; Тихонов, 2023; 2024 и др.].

Среди многочисленных историографических событий и явлений той эпохи (перечислим лишь

некоторые из них: ликвидация и восстановление Ленинградского отделения Института истории АН СССР; восстановление прерванного ранее участия советской стороны в Международных конгрессах историков и наращивание контактов с зарубежными коллегами; Всесоюзное совещание историков 1962 г.; деятельность сектора методологии истории Института истории АН СССР и связанные с ней конфликты; обсуждение работы А. А. Зимина «Слово о полку Игореве»; разделение Института истории АН СССР; «дело» А. М. Некрича; становление, расцвет и разгром «нового направления» [см., напр.: Неретина, 1990; Панеях, 1993; Юдельсон, 2001; Шепелева, 2002; Курносков, 2006; Поликарпов, 2008, с. 11–155; Очерки..., 2005, с. 532–602; Базанов, 2014; 2019; Пивоваров, Тихонов, 2020; Тихонов, 2022 и др.]) затерялась одна весьма примечательная дискуссия. В 1961 г. «Литературная газета» инициировала на своих страницах обширную полемику о стиле и художественных особенностях работ советских историков. Итогом ее стало восемь публикаций, среди авторов которых числились такие крупные и влиятельные фигуры, как В. В. Струве, А. З. Манфред, Б. Г. Гафуров. «Литературная газета» была всесоюзным изданием, чей круг читателей выходил далеко за узкие рамки научной среды, причем она выгодно отличалась от официозных СМИ той эпохи стилем

¹ Автор данной статьи полагает, что в условиях «плавающих» границ периода оттепели для советской исторической науки нижнюю ее грань следует отнести непосредственно ко смерти И. В. Сталина в 1953 г., а верхнюю — к разгрому «нового направления» в начале 1970-х гг. Впрочем, вопрос о датировке этого периода, равно как и о целесообразности такой периодизации, выходит за рамки данной статьи.

подачи материала, что делало ее довольно популярной и фактически превращало в важный инструмент формирования общественного мнения.

Несмотря на сказанное выше, историографы так и оставили это событие вне поля своего внимания. Тому можно найти немало причин. Обсуждение формально не затрагивало вопросов методологического или концептуального характера и проходило вне привычных площадок научной коммуникации. Что не менее важно, по итогам его не было принято никаких «практических рекомендаций», обязательных к исполнению. Полемика так и осталась полемикой, разговором, ни к чему не принудившим его участников.

Мемуаристы оказались более благосклонны, чем историографы. Так, свое отражение дискуссия нашла на страницах воспоминаний А. М. Некрича¹ и К. А. Антоновой². Оба автора считали, что за формально избранной темой обсуждения скрывались другие, более серьезные проблемы. А. М. Некрич говорил о стремлении зачинателя полемики «привлечь внимание общественности к положению в исторической науке и, в частности, к засорению ее паразитирующими элементами, которые ее компрометировали и мешали ее развитию»³. С этими оценками солидаризировалась и К. А. Антонова, придав им еще и политизированное звучание. Так, она утверждала, что давшая старт обсуждению статья была направлена «против тех в Институте [истории АН СССР. — М. Б.], кто, сами не зная и не умея, глушили всякую свежую мысль, травили всех способных, осмелившихся самостоятельно думать. <...> Таким образом, внешне в статье речь шла как будто лишь о манере изложения. Однако в действительности это была борьба с мертвящей догмой»⁴. Фактически под ее пером полемика предстала в виде одного из конфликтов «консерваторов» и «ревизионистов», вызванного к жизни общественной атмосферой оттепели. Кроме того, оба мемуариста считали, что кульминацией спора стало совещание с участием литераторов и ученых, состоявшееся при редакции «Литературной газеты». В полном объеме материалы его не публиковались (хотя

ряд выступлений, будучи дополненными и отредактированными, затем появились в виде статей на страницах издания), и К. А. Антонова большую часть своего рассказа построила на имеющейся у нее копии стенограммы заседания. На этом событии сконцентрируем свое внимание и мы, оставив за рамками данной статьи всесторонний анализ публикаций непосредственно в самой «Литературной газете».

Обоих мемуаристов объединяет фигура зачинателя дискуссии историка В. М. Турок-Попова (1904–1981), мужа К. А. Антоновой и близкого друга А. М. Некрича. Человек он был яркий, с необычной судьбой. Ребенком В. М. Турок-Попов вместе с родителями, купцами 2-й гильдии, после революции эмигрировал в Австрию, однако там проникся левой идеологией, вступил в местную компартию, стал работником Коминтерна и уже затем вернулся в Советский Союз. Репрессиям он, несмотря на это, не подвергался, но по своей инициативе последовал вслед за женой в Омск, когда ее выслали туда как дочь «врага народа». На разговорном уровне владея несколькими европейскими языками, ученый написал ряд крупных работ по европейской дипломатии и истории Австрии. Будучи человеком эмоциональным, честолюбивым, с плохими анкетными данными, В. М. Турок-Попов часто вступал в конфликт со своим непосредственным начальством, однако его же общительность, обилие социальных связей и даже некоторые склонности к манипулированию окружающими позволили ему успешно отбиваться от нападков. Увы, за исключением мемуарной литературы историку посвящен лишь довольно короткий некролог [Владимир Михайлович Турок-Попов, 1982], его научная биография остается ненаписанной. Полагаем, время для ее создания еще придет.

Неясно, что дало толчок появлению статьи «Историк и читатель». Открывая организованное им совещание, главный редактор «Литературной газеты» В. А. Косолапов связал ее с принятым 9 января 1960 г. постановлением ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях»⁵. В своем письме в адрес ЦК КПСС редакция газеты подчеркивает, что инициатива создания статьи принадлежит именно ей, причем она «обращалась последовательно к академикам Жукову, Нечкиной, Майскому, молодым ученым.

⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 634 «Редакция «Литературной газеты»». Оп. 5. Д. 11. Л. 2–4.

¹ Некрич А. М. Отрешись от страха: воспоминания историка. М. : Берлин : Директ-Медиа, 2019. С. 180–184.

² Антонова К. А. Мой Турок (небольшая хроника) // Владимир Михайлович Турок — историк и его эпоха / под ред. Л. Б. Алаева, Т. Н. Загородниковой. М., 2013. С. 185–207.

³ Некрич А. М. Указ. соч. С. 180.

⁴ Антонова К. А. Указ. соч. С. 185–186.

Наконец, доктор исторических наук В. М. Турок¹ после восьмимесячных переговоров написал статью «Историк и читатель»².

Сложно сказать, насколько это на самом деле соответствовало реальности. Конечно же, и К. А. Антонова, и А. М. Некрич отводили инициативу самому В. М. Турок-Попову³. Согласно К. А. Антоновой, историк был тесно знаком с членом редколлегии газеты О. Н. Прудковым, одно время бывшим его коллегой — преподавателем Московского института востоковедения. Тот неоднократно обращался к нему в случаях, когда требовались материалы о международном положении. В. М. Турок-Попов, по словам К. А. Антоновой, мог по два дня находиться в редакции, пока его статья не пройдет весь путь от первичного редактирования до верстки полосы, так как считал необходимым контролировать все возможные вмешательства в свой текст⁴. Конечно, это сопровождалось завязыванию новых личных контактов. Поэтому нет ничего удивительного, что в итоге к ученому и обратились за соответствующим материалом. А вот насколько при этом автор был связан в формулировке темы остается неизвестным.

Итак, статья «Историк и читатель» В. М. Турок-Попова увидела свет в номере за 4 февраля 1961 г.⁵ Свои рассуждения автор начинал со странного — на первый взгляд — утверждения о слабом знакомстве советских интеллектуалов с состоянием общественных наук. Продемонстрировал он это на примере посещенного им «случайно» «философского семинара физиков и астрономов»⁶. Один из астрономов на семинаре завел речь о необходимости контроля над рождаемостью для предотвращения возможности возникновения голода. В. М. Турок-Попов эти идеи аттестовал как прямое продолжение теории Мальтуса. Сложившееся положение автор считал прямым следствием обилия «однообразных серых работ, навевающих на читателей желание бросить книгу».

¹ Двойная фамилия «Турок-Попов» является производной от данной при рождении фамилии «Попов» и псевдонима «Турок», под которым историк публиковал свои работы. В дальнейшем эта двойная фамилия перейдет в его паспорт. В используемых нами документах этот человек значится как В. М. Турок.

² РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 81. Л. 1.

³ См.: Антонова К. А. Указ. соч. С. 185; Некрич А. М. Указ. соч. С. 180.

⁴ Антонова К. А. С. 135.

⁵ Турок В. М. Историк и читатель // Лит. газ. 1961. 4 февр. № 16. С. 2–3.

⁶ Там же. С. 2.

Далее В. М. Турок-Попов приводил выдержки из двух учебников по новейшей истории стран Западной Европы, в которых речь шла об аграрном кризисе 1930-х гг. Несмотря на то, что воспроизводимые им фрагменты описывали разные страны (Франция, Италия, Венгрия, Румыния, Болгария) и брались из разных учебников, все они были схожи друг с другом вплоть до прямых текстуальных совпадений, составлены по одной и той же схеме и содержали исключительно абстрактные формулировки, лишь изредка подкрепляемые какими-либо фактами и цифрами («промышленный кризис переплетался с аграрным», «массовое разорение крестьян», «десятки тысяч крестьянских хозяйств лишались земли»). Как заключает автор, подобные строки в учебнике можно легко поменять местами, при этом в самом учебнике ничего не изменится и «далеко не каждый читатель заметит перемену текста в главе». Однако, утверждал он, «история предоставляет в распоряжение авторов такой захватывающий исторический материал, что перед ним бледнеет авантюрный роман»⁶.

В качестве иллюстрации уже упоминавшегося им процесса обеднения крестьян и концентрации земельной собственности В. М. Турок-Попов привел рассказ о прошедшем в Австрии судебном процессе над семьей крестьян (мать, ее сыновья и дочь), убивших старшего сына главы семейства. Согласно завещанию отца, тот стал единственным наследником всего фермерского хозяйства, и это разрушило отношения в семье. Именно такие яркие факты, убеждал историк, и могут дать читателю представление о самом ходе исторического процесса, обычные «серые» работы же лишь внушают отвращение к исторической науке. Настоящий ученый должен в равной степени обладать как глубокими познаниями в своей области, так и умением выражать свои мысли литературным языком. Выход из проблемы В. М. Турок-Попов описывал довольно радикально: «...нужно давать дорогу кадрам, которые способны воспринимать новые методы и новые мысли в своей работе, и заменят тех, кто не в состоянии дать что-либо ценное». Здесь, однако, следует отметить — решение о принятии подобных мер, согласно историк, должен принимать непосредственно сам научный коллектив, в таком деле «не помогут <...> административные взыскания» и «только проверка временем и типографским станком» может показать способности ученого.

А далее он, не останавливаясь ни перед чем, называет имена двух своих коллег по Институту

истории АН СССР — П. Л. Лавров и М. Г. Сагина. Оба они перешли на работу в академический институт с внушительных государственных и партийных должностей (о чем, впрочем, в самой статье он упоминает без подробностей), но при этом за внушительный срок нахождения в институте отметились весьма скромными успехами на научном поприще. Несложно догадаться, что с ними у В. М. Турок-Попова уже сложились довольно неприязненные отношения¹. Конечно же, такой переход к конкретике необходимо было как-то обосновать, и автор предварил его словами: «Произносить в данном контексте имена — занятие не самое приятное. Но для полной ясности необходимо привести хотя бы некоторые примеры»². Стоит, впрочем, отметить, что ранее он приводил в пример и тех ученых, чьи работы могут считаться образцом изящного, литературно оформленного текста: Н. М. Дружинин, М. В. Нечкина, В. М. Далин, Е. В. Тарле, В. В. Струве.

В финале статьи В. М. Турок-Попов обратился к теме войны, но под не совсем обычным для рядового читателя углом. В газете Коммунистической партии Австрии печаталась серия очерков о судьбах участников местного движения Сопротивления, многие из которых сгинули в застенках гестапо. В одной из таких статей австрийский журналист задавался вопросом, стоило ли этим людям жертвовать столь многим, ведь «действия каждого из них в отдельности были песчинкой и не эта песчинка разрушила военную машину фашизма?». Далее В. М. Турок-Попов продолжал: «Последняя из статей серии заканчивается словами, что на такие вопросы нельзя отвечать прописными истинами и банальными словами утешения. Нужны слова, которые идут от сердца, нужны мысли. <...> История — это совсем не политика, опрокинутая в прошлое, как думали некоторые. История — скорее прошлое, опрокинутое в будущее, это — концентрированный опыт многих поколений, мечтавших о счастливой жизни для внуков и правнуков. Книги историка должны передавать этот опыт, они нужны и молодым, и старым, если только эти книги написаны хорошо»². На этой патетической ноте В. М. Турок-Попов и завершал свое печатное выступление.

В «Литературной газете» оно было дано с пометой от редакции «В порядке обсуждения».

¹ Антонова К. А. Указ. соч. С. 186–187; Некрич А. М. Указ. соч. С. 181.

² Турок В. М. Указ. соч. С. 3.

Как несложно заметить, текст этот полон суждениями самого разного рода, многочисленными отсылками, а потому давал гигантский простор для интерпретаций. За попытками В. М. Турок-Попова пояснить, каким должен быть текст «хорошей» научной работы, явственно проглядывает стремление к «антропологизации» науки, желание ввести человеческую повседневность, эмоции и чаяния простых людей в фокус внимания советских историков. В отрицательных же примерах можно увидеть и протест против социологизаторского схематизма, и неприятие обязательных для всех и воспроизводимых в каждом научном труде непререкаемых догм, и несогласие с приоритетом дедукции над индукцией. Начинается статья с рассказа о семинаре представителей физиков и астрономов, что отсылает к развернувшемуся в то время спору «физиков» и «лириков»³. Слова об «очищении» науки выглядят довольно агрессивно, особенно в период противостояния идеологических «консерваторов» и «ревизионистов». Наконец, в «Историке и читателе» нашли свое отражение личные антипатии автора, и некоторые из участников обсуждения увидели в ней не более, чем выпад в свою сторону и сторону своих близких знакомых.

Если верить А. М. Некричу, именно так и воспринял этот материал директор Института истории АН СССР В. М. Хвостов, непосредственно обратившийся к главному редактору газеты с претензиями⁴. Возможно, в этом он был не одинок⁵. Это недовольство вкупе с возможными обвинениями в клевете, вероятно, во многом и сподвигло журналистов провести общественное обсуждение статьи.

Организованное редакцией «Литературной газеты» обсуждение прошло 3 марта 1961 г. К сожалению, нам не удалось выявить списка приглашенных на него. В опубликованной позднее газетной

³ Полагаем нужным отметить, что событие это оказалось явно недооценено историками и культурологами. В отечественной историографии фактически отсутствуют работы, обстоятельно анализирующие это явление. В качестве исключения отметим: [Богданов, 2011; Игнатова, 2016]. Мы, однако, полагаем, что за внешне отвлеченными размышлениями скрывалось достаточно напряженное противоборство гуманитарной и технической интеллигенции за научный капитал, в том числе и за возможность получения новых финансово-материальных ресурсов от государства.

⁴ Некрич А. М. Указ. соч. С. 182–183.

⁵ Антонова К. А. Указ. соч. С. 191.

информации сообщалось, что на нем присутствовало «свыше ста пятидесяти человек — представителей самых разных специальностей <...>»¹. Определенное представление о составе присутствующих позволяет составить список выступавших. Среди них, конечно же, историки (половина всех докладчиков), экономисты, физики и астрономы, писатели, участники Гражданской войны. Остаются неясными принципы отбора участников. Очевидно лишь, что значительную их часть составили сотрудники Института истории АН СССР, в том числе и те, чья репутация оказалась непосредственно затронута В. М. Турок-Поповым. Выступавшие действительно представляли собой интеллектуальную элиту советского общества — во всяком случае среди них можно увидеть ведущих специалистов в своей области знания, действующих член-корреспондентов Академии наук, будущих академиков, среди которых и лауреат Нобелевской премии по физике 2003 г. (В. Л. Гинзбург)². В силу этого суждения, высказанные в ходе собрания, могут рассматриваться как вполне презентативные для отражения умонастроений советских интеллектуалов.

Представляется излишним детальное описание и анализ всех выступлений, прозвучавших на обсуждении, ограничимся тем, что попробуем сгруппировать выступавших исходя из их отношения к статье В. М. Турок-Попова.

Начать, пожалуй, следует с условного «лагеря отрицателей». Так, наиболее многочисленной, шумной и наименее интересной их группой стали те, кто пришел на заседание ради восстановления своей личной репутации и репутации своих знакомых. Например, Г. Н. Горошкова заявила: «И автор, и все знают, что мы все были очень ограничены листажом. На положение крестьянства мы отвели пять строк. Что плохого, что авторы показали типичный процесс обнищания крестьян?»³. Значительную часть выступлений «лагеря отрицателей» составили характеристики М. Г. Сазиной,

¹ «Историк и читатель»: Совещание в редакции «Литературной газеты» // Лит. газ. 1961. 23 марта. № 36. С. 2.

² Мы не станем останавливаться на характеристике каждого из выступавших, оставив поиск информации об этих людях на усмотрение наших читателей. Заметим, что сведения о большинстве из них содержатся в общедоступной научной литературе, справочных изданиях, кроме того, развернутые характеристики выступавших можно почерпнуть в неоднократно цитировавшихся выше мемуарах К. А. Антоновой.

³ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 11. Л. 108.

которую они пытались защитить от «клеветы». При этом такая «защита» очень быстро переходила в «нападение» и выпады личного характера уже против В. М. Турок-Попова. Скандальным стало выступление в прениях самой М. Г. Сазиной, заявившей о своей «травле» некоей организованной группой коллег, в которую якобы и входил В. М. Турок-Попов. В сговоре с ними она обвинила и редакцию «Литературной газеты»⁴.

На присутствующих эти высказывания производили негативное впечатление, чего они не скрывали. Так, речь В. Д. Мочаловой в итоге была прервана выкриками из зала: «Хватит демагогии! Позорное выступление! Склока! Долой!»⁵.

Похожими мотивами руководствовались и физики, пришедшие ответить на замечание о слабом знании ими общественных наук. Впрочем, в отличие от вышеозначенных ораторов они не позволяли себе личных выпадов и были предельно корректны. Ф. Ю. Зигель большую часть своего выступления доказывал, что прозвучавшие на семинаре высказывания не имеют отношения к учению Мальтуса⁶. В. Л. Гинзбург избрал иную стратегию, свое выступление посвятив рассуждениям о слабом уровне естественнонаучной подготовки у рядовых советских граждан. Например, он вполне искренне выражал свое возмущение тем, что ученики пишут в школе сочинения лишь на литературные темы, считая нужным дополнить их темами «физическими», то есть связанными с естественнонаучными дисциплинами⁷. Исключением среди них стало выступление В. И. Гольданского, о котором пойдет речь ниже.

Не могло обойтись обсуждение и без ставших обыденными в таких случаях утверждений об абсолютизации «критиканом» «отдельных недостатков» существующего положения вещей. К этому приему прибегнул А. Н. Гулиев, научный сотрудник Института истории АН Азербайджанской ССР. «Могут быть неудачны отдельные книги по истории, по философии, по этнографии, так же, как бывают неудачные книги по физике, по математике, но делать обобщения неправильно»⁸, — начал он свою речь. Всё свое выступление он посвятил перечислению многочисленных достижений советской исторической науки. Стоит отметить, что это была одна из самых идеологизированных речей. Так, далее,

⁴ Там же. Л. 125–129.

⁵ Там же. Л. 116.

⁶ Там же. Л. 31–33.

⁷ Там же. Л. 50–59.

⁸ Там же. Л. 63.

вслед за процитированной фразой, идет: «В нашей стране всем известно то, какой большой популярностью, каким большим уважением пользуются общественные науки и какой заслуженной любовью народа и партии <...>»¹.

Более любопытной и интересной для анализа хода дискуссии представляется линия, занятая А. З. Манфредом и В. П. Даниловым. Оба историка построили свои возражения на тезисе о необходимости различать жанры исторической литературы. Научно-популярные работы, учебники и специальные исследования, были убеждены они, требуют к себе различного подхода, а потому предъявлять к ним одни и те же требования является подходом в корне неверным. По словам В. П. Данилова, «доходчивость исторической науки очень важна. Отсюда вовсе нельзя заключать, что исторические исследования нужно писать так, как пишут авантюрные романы»². Ценность специальной литературы не может измеряться числом читателей — так, А. З. Манфред сравнил тиражи журналов «Преподавание истории в школе» и «Новая и новейшая история» (90 000 экземпляров против 7 000), после чего заметил, что это не может служить доказательством преимущества первого над вторым³. Критиковал он и то, что в качестве объекта анализа В. М. Турок-Попов избрал текст учебника, который, согласно А. З. Манфреду, вовсе не должен быть занимательным. Учебник, убеждал ученый, не равен тексту лекции. Задача увлечь своим предметом лежит именно на преподавателе, учебник же играет в этом незначительную роль⁴.

Условный «лагерь сторонников» занимал не менее разноречивые позиции. Как и в случае с «отрицателями», мы начнем анализ с того, что обозначим наименее сложные и рефлексивные выступления.

Так, значительная часть участников обсуждения восприняла газетную статью как призыв активизировать создание научно-популярной литературы и обратить внимание на доступность стиля изложения литературы учебной. С этих по-

зиций выступал О. Н. Писаржевский, некий экономист Эпштейн (в стенограмме не было указано его имя и отчество, что не позволяет с точностью идентифицировать этого человека), О. Шпаро (в стенограмме она ошибочно названа фамилией Шарро), А. И. Бабенец и Е. Я. Драбкина. Двое последних, являвшихся партийными работниками и участниками Гражданской войны, весьма эмоционально делились своими впечатлениями от пропагандистской литературы 1920-х гг. и сопоставляли ее с историческими работами 1960-х гг., причем не в пользу последних⁵. О. Н. Писаржевский сетовал на чрезвычайно низкий статус научно-популярной литературы среди самих ученых. Исследователь, занимающийся популярной литературой, по его словам, лишает себя авторитета и уважения коллег, превращается в своего рода парию. О. Н. Писаржевский весьма патетично предлагал видеть в этом «тайный заговор бесталанных людей, которые боятся выхода на широкую аудиторию и создают атмосферу, при которой талантливая молодежь боится выступать с открытым забралом»⁶.

Однако было немало тех, кто интерпретировал статью в качестве протеста против насаждения в науке единых методологических и концептуальных схем. Так, Л. Б. Алаев основную проблему советской исторической науки увидел в обилии «штампов», которые подавляют, делают невозможным появление каких-либо мыслей⁷. П. А. Лисовский также увидел источник «скуки» читателей в отсутствии в исторической литературе «новых мыслей». Причина этого, согласно ему, лежала в предельной деперсонификации самого процесса создания и публикации научных трудов. Сначала произведение проходит апробацию в рабочем коллективе, затем рассматривается рецензентами, ученым советом, редакторами издательства. Все эти инстанции тормозят продвижение работ, содержащие мысли и идеи, расходящиеся с общепринятыми. Поэтому для оживления научной деятельности «нужно пересмотреть весь процесс создания исторических работ»⁸, сократив число его звеньев. В итоге ответственность за работу будет нести именно ее автор, который получит в свою очередь возможность реализовать «право выступать со своими взглядами в печати, если с этими взглядами не согласны те или иные ре-

¹ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 11. Л. 63.

² Там же. Л. 103. Отметим, что это высказывание ученого вызвало прозвучавшие из зала возражения — далеко не все согласились с такой однозначной трактовкой написанного В. М. Турок-Поповым. В итоге значительную часть выступления оратор потратил на пререкания с присутствующими (см.: Там же. Л. 103–105).

³ Там же. Л. 80.

⁴ Там же. Л. 78.

⁵ Там же. Л. 60–63, 91–95.

⁶ Там же. Л. 25.

⁷ Там же. Л. 89–90.

⁸ Там же. Л. 101.

цензенты, даже самые авторитетные»¹. При этом ученый подчеркивает тот факт, что приверженность советских историков марксистской методологии совершенно не исключает возможности их разногласий в конкретно-исторических вопросах.

Звучали и более смелые высказывания. Так, физик В. И. Гольданский призвал «творчески развивать положения марксизма»². Любопытно, что в самом начале своей речи он признался, что в юности под воздействием работ дореволюционных ученых желал стать историком, но интерес к дисциплине был утерян именно после знакомства с современной исторической литературой. Физик был единственным из высказавшихся, кто открыто заявил о культе личности как главной причине кризисного состояния общественных наук.

Г. Б. Федоров призвал к антропологизации истории: «Творец истории — народ. Историк обязан показать этот народ, процесс творчества им истории не в виде некой схемы, в которой народ представлен как некая безликая масса, унижаемая или борющаяся, а показать ярко, проникая в самую суть мыслей и чувств этого народа, ту атмосферу, в которой он живет и борется. Показать, как народ творит историю, ибо это тоже творческий процесс <...>»³. Считал он совершенно допустимым и наличие у исследователей личной пристрастности, яркую эмоциональную окрашенность текстов исследователей, которые явились бы неизбежной оборотной стороной «очеловечивания» исторической науки. Коснулся Г. Б. Федоров и практики составления коллективных трудов, которую оценивал в негативном ключе — как еще один источник обезличивания исторических работ.

Наконец, обсуждение выявило еще одну позицию советских интеллектуалов по отношению к современному им состоянию исторической науки. Писатель и сценарист Р. Ю. Бершадский (в числе произведений которого, отметим, были и научно-популярные работы по истории) четко связал художественный стиль научных работ с вопросом об ответственности ученых перед своими читателями, «народом», как он выразился. Писатель весьма рискованно заявил, что проблемы в исторической науке кроются в самой системе государственного финансирования науки, которая совершенно не учитывает популярность и успех у читателей того или иного исследователя. «Поэтому, — язвительно заключал он, —

¹ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 11. Л. 101.

² Там же. Л. 45.

³ Там же. Л. 9.

ученые очень неплохо пишут докладные записки, но весьма неважно пишут книги <...>»⁴. Тем самым научная среда забывает о «народе», хотя ее задачей, утверждал Р. Ю. Бершадский, было разъяснить обществу закономерности исторического развития, без знания которых невозможно «построение будущего»⁵. Знание это необходимо довести до каждого вне зависимости от уровня его знаний и подготовки. От подобных рассуждений до прямого противопоставления основной массы населения и бюрократии, правящей элиты в духе троцкистских рассуждений о «термидорианском перевороте» и «государственном капитализме» (Т. Клифф) был всего шаг.

По-видимому, сходные позиции занимал и упоминавшийся нами выше О. Н. Писаржевский, который, упрекая в предвзятом отношении к научно-популярным работам, заявил: «Это глубоко антиобщественно в наших условиях, когда ученый ответственен перед народом и обязан отчитываться в своих знаниях»⁶. В дальнейшем выступлении, однако, он эту мысль не развернул.

В. М. Турок-Попову была предоставлена возможность выступить с ответом. Он отметил, что мог неточно передать выступление астрономов на научном семинаре, что и вызвало нарекания с их стороны. Не стал он освещать и детали своего конфликта с Л. П. Лавровым и М. Г. Сазиной. Явно противореча текст своей статьи, он заявил, что это не может быть предметом рассмотрения на общественном совещании. Упомянул В. М. Турок-Попов и о том, что с момента публикации статьи получил массу писем и телефонных звонков от читателей, настолько много, что это уже начало его раздражать.

Свои критические замечания он сосредоточил на выступлениях А. З. Манфреда и В. П. Данилова. В. М. Турок-Попов отверг их обвинения в том, что он якобы не проводил различия между специализированной и научно-популярной литературой. Такую трактовку своей статьи он считал явно искаженной. «Неужели профессор Манфред действительно не понимает разницы между словами “развлекательное” и “интересное” [?]»⁷ — патетически восклицал В. М. Турок-Попов. Проблема современной литературы, убеждал он,

⁴ Там же. Л. 39.

⁵ Там же. Л. 40. Заметим, что уже через несколько месяцев будет обнародован текст третьей программы КПСС, предполагавшей построение материальных основ коммунистического общества к 1980 г.

⁶ Там же. Л. 25.

⁷ Там же. Л. 123.

коренится в «тезисах», основных «мыслях», лежащих в основе научных работ. Далее он пояснял: «Если эта мысль написана так, что приходится ее впихивать, вдавливать, и после этого студенты приходят со шпаргалками, ничего не понимая, то эта монография, как бы она ни называлась, она не годится»¹. Увы, с более детальными объяснениями своей позиции он так и не выступил.

23 марта 1961 г. «Литературная газета» опубликовала отчет о прошедшей дискуссии². Не вдаваясь в подробности, отметим лишь основные пункты расхождения стенограммы и информации в газете. Первое, что обращает на себя внимание, — опущена большая часть критики, раздававшейся в адрес В. М. Турок-Попова. Из всего прозвучавшего на собрании в отчет вошла лишь часть высказываний А. З. Манфреда. О скандале, устроенном М. Г. Сазиной и ее защитниками, упоминалось кратко: «<...> некоторые участники совещания (их, правда, было немного) сосредоточились на сугубо личных, далеких от главной темы дискуссии вопросах»². Из выступлений физиков были взяты лишь те реплики, которые так или иначе согласовывались с положениями статьи В. М. Турок-Попова. О выступлении А. Н. Гулиева не упоминалось вовсе. Достаточно обстоятельно были охарактеризованы речи П. А. Лисовского, Г. Б. Федорова, О. Н. Писаржевского, А. И. Бабенца и В. Л. Гольданского. В то же время у В. Л. Гольданского изъяли все инвективы в адрес сталинизма, не упоминается и его призыв к «творческому переосмыслению марксизма». Ничего не было сказано об участии в обсуждении Р. Ю. Бершадского. Обращает на себя внимание и тот факт, что завершался очерк перечислением достижений советской исторической науки, что явно должно было смягчить ее общий критический настрой.

По словам А. М. Некрича, для редакции «Литературной газеты» прошедшее обсуждение принесло хлопоты — руководство Института истории АН СССР якобы обратилось с претензиями в ЦК КПСС, причем за проверку жалобы взялся сам М. А. Суслов. Секретарь ЦК КПСС по идеологическим вопросам, однако, не нашел в произошедшем ничего политически неприемлемого. А. М. Некрич предполагал, что это было связано с готовящимся в то время XXII съездом КПСС, ознаменовавшим новый этап десталинизации³. «Литературной га-

зете» было позволено продолжить обсуждение темы на своих страницах — в издание еще долго будут поступать письма и статьи тех, кого заинтересовали затронутые в ней темы⁴. Единственное, что вызвало реакцию вышестоящих инстанций — обвинение В. М. Турок-Попова в адрес Л. П. Лаврова и М. Г. Сазиной. Сохранилось письмо редакции в ЦК КПСС, в котором приводились факты, призванные подтвердить озвученную критику⁵. По-видимому, штрафных санкций против газеты не последовало.

Итак, завершив восстановление событийной канвы, логично перейти к иному уровню обобщений и интерпретации, попытаться определить стоящие за обсуждением социальные и интеллектуальные реалии.

В качестве важного ключа к происходящему следует обратиться к термину «историографический быт», впервые озвученному в 1995 г. Ю. Л. Троицким [Троицкий, 1995; 2009]. Понятие это было призвано описать структуру историографического знания как коммуникативной целостности. Согласно Ю. Л. Троицкому, его составили три основных компонента: «я-в-истории» как момент личностного включения историка в свою эпоху, ментальная модель исторического сознания, свойственная данной культуре, и адресат, круг читателей, которому ученый предназначает свои работы. Способы и формы их взаимодействия и являются содержанием историографического быта.

Непосредственно сам термин широкого хождения в работах по истории исторической науки не получил⁶, однако идея о том, что историческую науку следует рассматривать именно как коммуникативный процесс, прочно вошла в арсенал методологических принципов современной историографии.

Полагаем, дискуссия в «Литературной газете» маркировала чрезвычайно важные процессы трансформации историографического быта советских историков, а именно попытку реформирования представлений об адресате научных трудов. В предыдущий период главным адресатом

¹ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 11. Л. 124–125.

² «Историк и читатель». Совещание в редакции «Литературной газеты» // Литературная газета. 1961. 23 марта. № 36. С. 2.

³ Некрич А. М. Указ. соч. С. 183–184.

⁴ См.: Литературная газет. 1961. 11 марта. № 31. С. 2; 4 мая. № 43. С. 2; 6 июля. № 80. С. 2; 12 сент. № 109. С. 2; 28 сент. № 116. С. 3; 12 окт. № 122. С. 2. Помимо перечисленного выше сохранились и неопубликованные письма, среди которых есть и отзыв медиевиста А. Я. Гуревича, см.: РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 213.

⁵ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 81. Л. 1–9.

⁶ Исключение стали труды омских и челябинских ученых [см., напр: Корзун, 2000; Алеврас, 2013 и др.].

исторических сочинений было само историческое сообщество и — что немаловажно — партийные пропагандисты и агитаторы (одновременно выступавшие в роли цензоров). Свои коррективы внесла война, потребовавшая от историков искать контакт с широкой публикой. По мере возвращения к мирной жизни историографический быт вновь начал возвращаться к своей прежней конфигурации. Историки крайне редко непосредственно обращались к непрофессиональной аудитории, оставляя эту роль соответствующим государственным и партийным структурам, взявшим на себя роль ретрансляторов. Оттепель внесла в эту ситуацию свои коррективы, вновь подняв влияние собственно профессиональной среды по сравнению с контролерами от власти.

В этой обстановке В. М. Турок-Попов и поставил вопрос о переформатировании адресата исторических работ. «Серость», «однообразие» и «схематизм» плохи тем, что существенно сужают аудиторию читателей, причем недостаток этот он относит к числу центральных, не совместимых с успешным развитием исторической науки. Однако статья его не давала однозначного ответа на основной вопрос — на какие социальные или профессиональные группы в таком случае следует ориентироваться историкам? Отметим, что, говоря о читателе, он постоянно обращается к молодежи, студентам, преимущественно тем, кто избрал историю своей специальностью в вузе. Характерно и то, что в качестве объекта для анализа он выбрал именно учебники для вузов. Даже возвращаясь в финале статьи к упоминавшемуся в первых строках научному симпозиуму, В. М. Турок-Попов восклицает: «Юноши на философском семинаре ждут ответа» — так, словно все написанное им ранее никак не относится к его «взрослым» участникам.

Участники обсуждения, однако, предпочли иную, более широкую трактовку. Так, экономист Эпштейн делился своим неудачным опытом работы в клубе с рабочими. Р. Ю. Бершадский адресатом исторических работ назвал «народ», причем в речи его заметно противопоставление нужд «народа» требованиям, предъявляемым к науке властью. Тема молодежи и студентов в выступлениях (за исключением речи О. Шпаро, критиковавшей учебники для вузов) почти отсутствовала. Участники обсуждения предпочли говорить о необходимости вновь обрести утраченную популярность среди широкого непрофессионального круга читателей, не конкретизируя его социальную и профессиональную принадлежность.

Конечно же, подобная трансформация адресата исследования не могла не вызвать изменение как в структуре производимых научной средой работ, так и сложившейся внутри сообщества иерархии. Наименее болезненной для ученых стратегией расширения читательской аудитории было бы наращивание доли научно-популярной литературы среди общей массы производимой ими научной продукции. Именно по этому пути и предлагала пойти значительная часть выступавших. Однако и сам В. М. Турок-Попов (что ярко подтверждается его словами о необходимости различать «интересное» и «развлекательное»), и значительная часть присутствовавших на обсуждении историков предложила иной выход — смену методологических ориентиров науки, ее «антропологизацию» и смещение ракурса исследований к микроуровню исторических процессов (отсюда, например, и призывы отказаться от «общих схем» в пользу изучения конкретных проявлений исторических процессов и явлений), обращение к быту и повседневности. При этом во многих выступлениях фокус внимания столь жестко зафиксирован на методологических проблемах, что остается неясным, принципиален ли для них вопрос о расширении круга читателей сам по себе или же они воспринимают его исключительно в качестве удобного обоснования для призываемого им обновления исследовательской базы исторической науки.

Задуманное переформатирование адресата научных трудов могло привести к очередному падению роли партийных органов в историографическом процессе — и А. Н. Гулиев поспешил напомнить о том, что историческая наука пользуется «заслуженной любовью <...> партии».

Немало поводов было отрицательно относиться к этим предложениям и у представителей профессионального сообщества. Конечно же, даже простое наращивание доли научно-популярной литературы привело бы к перераспределению научного капитала среди агентов научного поля¹. Однако заметим, что ни А. З. Манфред, ни тем более В. П. Данилов, один из лидеров «нового направления», не относились к числу идеологических «консерваторов». А. З. Манфред к тому же сам был мастером научно-популярного жанра, а написанная им через десять лет после описываемых событий биография Наполеона Бонапарта составит достойную конкуренцию знаменитой книге Е. В. Тарле².

¹ О принципах функционирования поля науки см.: [Бурдые, 2001; 2007, с. 473–517; 2018].

² О монографии А. З. Манфреда см.: [Гордон, 2006].

У стремления сделать именно запросы «народа» главным (или, по меньшей мере, одним из главных) критериев оценки качества научных работ была еще одна обратная сторона — снижение доли автономии научного поля. Заметим, автономии, которая была расширена столь недавно вместе с критикой культа личности, стоила немалых нервных встрясок и зависела от крайне непоследовательного и противоречивого курса на десталинизацию. Полагаем, именно эти соображения и стали главной причиной неприятия частью выступавших статьи В. М. Турок-Попова. Пытаясь ограничить влияние запросов массового читателя исключительно сферой научно-популярной литературы, они пытались оградить от возможного влияния дилетантов всю остальную историографическую продукцию. Наконец, неоднозначен был призыв В. М. Турок-Попова провести своего рода «чистку рядов», избавиться от тех, кто показал свою профессиональную несостоятельность.

К сожалению, в ходе обсуждения на второй план оказалась отеснена вопросами методологического характера проблема поиска оптимального стиля изложения научных работ. Несмотря на то, что большинство критических инвектив в адрес современного состояния историографии касались в первую очередь их художественных качеств, участники обсуждения предпочли говорить о них как о симптоме иных, лежащих более глубоко проблемах. Так, например, Л. Б. Алаев заявил: «<...>дело не в языке, как таковом <...>»¹.

Современная историография уже давно задается вопросом о влиянии художественных особенностей исторических работ на их содержание. Одними из первых, кто заговорил об этой

стороне историографического процесса, были Ю. Л. Троицкий и Ю. В. Шатин [Троицкий, Шатин, 1998]. В дальнейшем внимание к нарратологическим аспектам историографии подстегнуло издание на русском языке работы философа Х. Уайта «Метаистория» [Уайт, 2002], самым же, пожалуй, ярким и известным пропагандистом подобного подхода среди российских историографов стал А. В. Антощенко [Антощенко, 2003]. Немало внимания отводит анализу построения нарративов и такой крупный историограф, как С. Б. Крих [см., напр.: Крих, 2013].

Участники дискуссии в 1961 г. признавали наличие подобной связи, однако от детального ее анализа воздержались, предпочитая сразу же перейти к обсуждению вопросов методологического характера. Здесь, конечно, следует сделать два замечания. Во-первых, речь идет об общественном обсуждении, а не научной полемике. Во-вторых, даже в западной историографии начала 1970-х гг., подготовленной к такому разговору лингвистическим поворотом и успехами структурализма, «Метаистория» Х. Уайта была встречена скепсисом и резкими критическими замечаниями, во многом представляющимися обоснованными. Конечно же, было бы опрометчиво ожидать столь же обстоятельного разговора от советских историков начала 1960-х гг. Важно иное — они вплотную подошли к этой теме.

В целом мысли, звучавшие тогда в редакции «Литературной газеты», были ярким свидетельством того, что в среде историков сложилась довольно представительная группа тех, кто желал радикального обновления «правил игры», пытавшихся найти себе возможную опору вне рамок профессионального сообщества и одновременно вне рамок бюрократии, отвечавшей за идеологический контроль.

¹ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. Д. 11. Л. 89.

Список литературы

1. Алеврас Н. Н. Русская историография XIX — начала XX века. Лекции по истории исторической науки. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2013. Ч. 1. 337 с.
2. Алексеева Г. Д. Некоторые вопросы развития исторической науки в 60–80-е гг. // Историческая наука в России в XX веке. М. : «Скрипторий, 1997.
3. Антощенко А. В. «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2003. 390 с.
4. Базанов М. А. Отложенная реорганизация: первая попытка разделения Института истории АН СССР (1955–1957) // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2019. № 1. С. 39–48.
5. Базанов М. А. К истории дискуссий в советской науке. Обсуждение монографии А. Зимина «Слово о полку Игореве» (4–6 мая 1964) // Вопросы литературы. 2014. № 1. С. 335–349.

6. Богданов К. А. Физики vs. лирики: к истории одной «придурковатой» дискуссии // Новое литературное обозрение. 2011. № 111. С. 48–66.
7. Бурдые П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдые. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М., 2001. С. 49–96.
8. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М. : Институт экспериментальной социологии, 2007. 576 с.
9. Бурдые П. Homo academicus. М. : Изд-во Института Гайдара, 2018. 464 с.
10. Владимир Михайлович Турок-Попов [Некролог] // Новая и новейшая история. 1982. № 2. С. 221.
11. Гордон А. В. А. З. Манфред — биограф Наполеона (советская наполеонистика от 1930-х к 1960-м) // Французский ежегодник. 2006. М., 2006. С. 46–66.
12. Депретто К. Советские историки и XX съезд КПСС // Социокультурный феномен шестидесятых / сост. В. И. Тюпа, О. В. Федупина. М. : РГГУ, 2008. С. 34–45.
13. Игнатова М. П. «Физики» и «лирики»: две культуры вчера и сегодня // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 15, вып. 3. С. 17–20.
14. Корзун В. П. Образ исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических тенденций). Омск : Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2000. 226 с.
15. Крих С. Б. Образ древности в советской историографии. М. : КРАСАНД, 2013. 320 с.
16. Курносоев А. А. Об одном из эпизодов разгрома исторической науки 1960–1970-х гг. (По материалам Центра хранения современной документации) // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 363–389.
17. Неретина С. С. История с методологией истории // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 143–151.
18. Очерки истории отечественной исторической науки XX века : монография / под ред. В. П. Корзун. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. 683 с.
19. Панях В. М. Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 году // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 19–27.
20. Пивоваров Н. Ю., Тихонов В. В. «Штатов — избылье, порядка снова нет»: к истории разделения Института истории АН СССР в 1968 г // Российская история. 2020. № 3. С. 173–184.
21. Поликарпов В. В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М. : Индрик, 2008. 552 с.
22. Сидорова Л. А. «Санкционированная свобода» исторической науки: опыт середины 50–60-х годов // Россия в XX веке: судьбы исторической науки / под ред. А. Н. Сахарова. М. : Наука, 1996. С. 705–710.
23. Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке: Советская историография первого послевоенного десятилетия. М. : Памятники исторической мысли, 1997. 288 с.
24. Тихонов В. В. Противоречия роста: гуманитарное знание в СССР в 1960–1970-е годы. Часть 1 // Воронцово поле. 2023. № 4. URL: <https://vorontsovopole.ru/rubriki/s-drevneyshikh-vremen-do-nashikh-dney/protivorechiya-rosta-gumanitarnoe-znanie-v-sssr-v-1960-1970-kh-godakh-> (дата обращения: 28.05.2024)
25. Тихонов В. В. Противоречия роста: гуманитарное знание в СССР в 1960–1970-е годы. Часть 2 // Воронцово поле. 2024. № 1. URL: <https://vorontsovopole.ru/rubriki/s-drevneyshikh-vremen-do-nashikh-dney/protivorechiya-nbsp-rosta-gumanitarnoe-nbsp-znanie-v-nbsp-sssr-v-nbsp-1960-1970-kh> (дата обращения: 28.05.2024)
26. Тихонов В. В. Взаимное притяжение и отталкивание: профессиональные историки и диссидентское движение во второй половине 1950-х — 1970-е гг. // Диалог со временем. 2022. № 80. С. 236–252.
27. Троицкий Ю. Л. Историографический быт эпохи как проблема // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII–XX вв.) : материалы Второй всерос. науч. конф. Т. II: Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ. Омск : Российский институт культурологии, Сиб. фил., 1995. С. 164–165.
28. Троицкий Ю. Л. Историографический быт эпохи: содержание понятия // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия : сб. ст. М. : ИВИ РАН, 2009. С. 240–242.
29. Троицкий Ю. Л., Шатин Ю. В. Историографическое письмо как дискурсивная практика // Дискурс. 1998. № 5–6. С. 60–65.
30. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.

31. Шепелева В. Б. Историографическая судьба «нового направления» // Мир историка. XX век / под ред. А. Н. Сахарова. М. : ИРИ РАН, 2002. С. 219–157.
32. Юдельсон А. Методологический поиск советских историков в 1960-е гг.: к вопросу об «оттаявшем» во время историографической «оттепели» // Образы историографии / под ред. А. П. Логунова. М. : РГГУ, 2001. С. 147–172.
33. Юрганов А. Л. Культ ошибки: теоретический фронт и Сталин (середина 20-х — начало 30-х гг. XX в.). М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2020. 232 с.
34. Юрганов А. Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М. : РГГУ, 2013. 765 с.

References

1. Alevras NN. *Russkaja istoriografija XIX — nachala XX veka. Lekcii po istorii istoricheskoi nauki = Russian historiography of the 19th — early 20th centuries. Lectures on the history of historical science*. Cheljabinsk: ChelGU, 2013. Ch. 1. 337 p. (in Russ).
2. Alekseeva GD. Nekotorye voprosy razvitiia istoricheskoi nauki v 60–80-e gg. = Some issues of the development of historical science in the 60–80s. *Istoricheskaja nauka v Rossii v XX veke = Historical science in Russia in the 20th century*. Moscow: Scientific and publishing center «Scriptorium»; 1997. Pp. 269–301. (in Russ).
3. Antoshhenko AV. «Evrazija» ili «Svjataja Rus'»? (Rossijskie jemigranty v poiskah samosoznanija na putjah istorii) = «Eurasia» or «Holy Rus'»? (Russian emigrants in search of self-awareness on the paths of history). Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU; 2003. 390 p. (in Russ).
4. Bazanov MA. Delayed reorganization: the first attempt to divide the Institute of History of the USSR Academy of Sciences (1955–1957). *Magistra Vitae: jelektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii = Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archaeology*. 2019;(1):39–48. (in Russ).
5. Bazanov MA. On the history of discussions in Soviet science. Discussion of A. Zimin's monograph “The Tale of Igor's Campaign” (May 4–6, 1964). *Voprosy literatury = Questions of Literature*. 2014;(1):335–349. (in Russ).
6. Bogdanov KA. Physicists vs. lyrics: on the history of one “stupid” discussion. *Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Review*. 2011;(111):48–66. (in Russ).
7. Burd'e P. Klinicheskaja sociologija polja nauki = Clinical sociology of the field of science. In: *Socioanaliz P'era Burd'e. Al'manah Rossijsko-francuzskogo centra sociologii i filosofii Instituta sociologii Rossijskoj Akademii nauk = Socioanalysis of Pierre Bourdieu. Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences*. Moscow; 2001. Pp. 49–96. (in Russ).
8. Burd'e P. *Social'noe prostranstvo: polja i praktiki = Social space: fields and practices*. M.: Institut jeksperimental'noj sociologii, 2007. 576 p. (in Russ).
9. Burd'e P. *Homo academicus = Homo academicus*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; 2018. 464 s. (in Russ).
10. Vladimir Mikhailovich Turok-Popov [Obituary]. *Novaja i novejšaja istorija = Modern and contemporary history*. 1982;(2):221. (in Russ).
11. Gordon AV. A. Z. Manfred — biographer of Napoleon (Soviet Napoleonic studies from the 1930s to the 1960s). *Francuzskij ezhegodnik. 2006 = French Yearbook. 2006*. Moscow; 2006. Pp. 46–66. (in Russ).
12. Depretto K. Sovetskie istoriki i XX sezd KPSS = Soviet historians and the XX Congress of the CPSU. *Sociokul'turnyj fenomen shestidesjatyh = Sociocultural phenomenon of the sixties*. Moscow: RGGU; 2008. Pp. 34–45. (in Russ).
13. Ignatova MP. “Physicists” and “lyricists”: two cultures yesterday and today. *Izvestija Saratovskogo uinversiteta. Ser. Filosofija. Psihologija. Pedagogika = News of Saratov University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2016;(T. 15. Vyp. 3):17–20. (in Russ).
14. Korzun VP. *Obraz istoricheskoi nauki na rubezhe XIX–XX vv. (analiz otechestvennyh istoriograficheskikh tendencij) = The image of historical science at the turn of the 19th-20th centuries. (analysis of domestic historiographical trends)*. Omsk, Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta; 2000. 226 p. (in Russ).
15. Krih SB. *Obraz drevnosti v sovetskoj istoriografii = The image of antiquity in Soviet historiography*. Moscow, KRASAND, 2013. 320 p. (in Russ).
16. Kurnosov AA. About one of the episodes of the defeat of historical science in the 1960–1970s. (Based on materials from the Center for the Storage of Modern Documentation). *Voprosy obrazovanija = Educational issues*. 2006;(4):363–389. (in Russ).

17. Neretina SS. History with the methodology of history. *Voprosy istorii = Questions of History*. 1990;(9):143–151. (in Russ).
18. Korzun VP.(Eds) *Ocherki istorii otechestvennoj istoricheskoi nauki XX veka: monografija = Essays on the history of Russian historical science of the 20th century: monograph*. Omsk: Izd. OmGU; 2005. 683 p. (in Russ).
19. Panejah VM. Abolition of the Leningrad branch of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences in 1953. *Voprosy istorii = Questions of History*. 1993;(10):19–27. (in Russ).
20. Pivovarov NJu., Tihonov VV. “States — abundance, no order again”: on the history of the division of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences in 1968. *Rossijskaja istorija = Russian history*. 2020;(3):173–184. (in Russ).
21. Polikarpov VV. *Ot Cusimy k Fevralju. Carizm i voennaja promyshlennost' v nachale XX veka = From Tsushima to February. Tsarism and the military industry at the beginning of the 20th century*. Moscow: Indrik; 2008. 552 p. (in Russ).
22. Sidorova LA. “Sanctioned freedom” of historical science: the experience of the mid-50s-60s. In: Saharov, AN (Eds). *Rossija v XX veke: sud'by istoricheskoi nauki = Russia in the 20th century: the fate of historical science*. Moscow: Nauka; 1996. Pp. 705–710. (in Russ).
23. Sidorova LA. *Ottepel' v istoricheskoi nauke: Sovetskaja istoriografija pervogo poslevoennogo desjatiletija = Thaw in historical science: Soviet historiography of the first post-war decade*. Moscow: Pamjatniki istoricheskoi mysli; 1997. 288 p. (in Russ).
24. Tikhonov VV. Contradictions of growth: humanitarian knowledge in the USSR in the 1960–1970s. Part 1. *Voroncovo pole = Vorontsovo field*. 2023;(4). URL: <https://vorontsovopole.ru/rubriki/s-drevneyshikh-vremen-do-nashikh-dney/protivorechiya-rosta-gumanitarnoe-znanie-v-sssr-v-1960-1970-kh-godakh> (accessed: 28.05.2024). (in Russ).
25. Tikhonov VV. Contradictions of growth: humanitarian knowledge in the USSR in the 1960–1970s. Part 2. *Voroncovo pole = Vorontsovo field*. 2024;(1). URL: <https://vorontsovopole.ru/rubriki/s-drevneyshikh-vremen-do-nashikh-dney/protivorechiya-nbsp-rosta-gumanitarnoe-nbsp-znanie-v-nbsp-sssr-v-nbsp-1960-1970-kh> (accessed: 28.05.2024). (in Russ).
26. Tikhonov VV. Mutual attraction and repulsion: professional historians and the dissident movement in the second half of the 1950s-1970s. *Dialog so vremenem = Dialogue with time*. 2022;(80):236–252. (in Russ).
27. Troitskij Ju L. Istoriograficheskij byt jepohi kak problema = Historiographical life of the era as a problem. In: *Kul'tura i intelligencija Rossii v jepohu modernizacij (XVIII–XX vv.): Materialy Vtoroj vseros. nauch. konf. T. II: Rossijskaja kul'tura: modernizacionnye opyty i sud'by nauchnyh soobshhestv = Culture and intelligentsia of Russia in the era of modernization (XVIII–XX centuries): Materials of the Second All-Russian scientific conf. T. II: Russian culture: modernization experiences and the fate of scientific communities*. Omsk: Rossijskij institut kul'turologii, Sib. fil.; 1995. Pp. 164–165. (in Russ).
28. Troitskij Ju L. Istoriograficheskij byt jepohi: sodержание ponjatija = Historiographical life of the era: the content of the concept. *Soobshhestvo istorikov vysshej shkoly Rossii: nauchnaja praktika i obrazovatel'naja missija: Sb. St = Community of historians of higher education in Russia: scientific practice and educational mission: Sat. Art*. Moscow: IVI RAN; 2009. Pp. 240–242. (in Russ).
29. Troitskij Ju L., Shatin Ju V. Historiographical writing as a discursive practice. *Diskurs=Diskurs*. 1998;(5–6):60–65. (in Russ).
30. Uajt H. *Metaistorija: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka = Metahistory: Historical Imagination in 19th Century Europe*. Ekaterinburg: Ural University Publishing House; 2002. 528 p. (in Russ).
31. Shepeleva VB. Istoriograficheskaja sud'ba «novogo napravlenija» = Historiographical fate of the “new direction”. In: Saharov AN (Eds). *Mir istorika. XX vek = World of historian. XX century*. Moscow: IRI RAN, 2002. Pp. 219–157. (in Russ).
32. Judelson A. Methodological search for Soviet historians in the 1960s: to the question that “thawed out” during the historiographic “thaw”. Logunova AP (Eds). *Obrazy istoriografii = Images of historiography*. Moscow: RGGU; 2001. Pp. 147–172. (in Russ).
33. Jurganov AL. *Kul't oshibki: teoreticheskij front i Stalin (seredina 20-h — nachalo 30-h gg. XX v.) = The cult of error: the theoretical front and Stalin (mid-20s — early 30s of the XX century)*. Moscow: Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives; 2020. 232 p. (in Russ).
34. Jurganov AL. *Russkoe nacional'noe gosudarstvo: zhiznennyj mir istorikov jepohi stalinizma = Russian national state: the life world of historians of the era of Stalinism*. Moscow: RGGU; 2013. 765 p. (in Russ).

Информация об авторе

М. А. Базанов — кандидат исторических наук, главный археограф отдела публикации и научного использования документов.

Information about the author

M. A. Bazanov — Candidate of Historical Sciences, Chief Archeographer of the Department of Publication and Scientific Use Of Documents.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.